

© 1998 г.

Н.А. АИТОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДИЛЕТАНТА О ТОМ, ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ НА ЗАРПЛАТУ

АИТОВ Нариман Абдрахманович - действительный член Академии социальных наук Казахстана, заслуженный деятель науки России, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Казахского национального университета.

К сентябрю 1996 г. в Казахстане задолженность по заработной плате составила 157% месячного фонда зарплаты в целом по экономике республики, Кыргызстане - 123, Молдове - 132, России - 77, Украине - 150%¹. Задолженность по заработной плате и пенсиям в Казахстане к ноябрю 1996 г. составила 55 млрд. тенге, а вся наличность, находящаяся в обороте в этой республике - 49 млрд. тенге². Невыплата зарплаты стала стихийным бедствием, охватившим все страны СНГ, и главной причиной производственных конфликтов. В одной России в 1995 г. их было более 11 тысяч³. Многие экономисты пытались объяснить этот феномен, возникший в бывшем СССР с началом экономических реформ. Выдвигались разные гипотезы - но до сих пор наши экономисты не дали серьезного ответа на этот вопрос. Попробуем мы - дилетанты - поискать свой ответ на него. Впрочем, не совсем дилетант социолог всегда ходит рядом с экономическими проблемами. Первое - и пока наиболее убедительное объяснение - заключается в том, что за годы реформ во всех странах СНГ произошло резкое, обвальное снижение уровня производства. За 1991-1995 годы в Казахстане он снизился на 60%, занятость активного населения - на 35%⁴. В России уровень промышленного производства в 1995 г. составил всего 56% от уровня 1991 г.⁵ Конечно, те, кто не работает (а число безработных, рассчитанное по методике МОТ, в Казахстане достигло 1,5 млн. человек⁶), зарплаты не получают. Но ее должны получать те, кто работает! Величина заработной платы резко уменьшилась (в России в I квартале 1994 г. размеры зарплаты на одного занятого составили 36% от уровня декабря 1991 г.)⁷. Казалось бы, такую ничтожную зарплату и легче выплачивать. А задолженность по зарплате все растет и растет. Конечно, падение производства сказывается на всей экономике: нет производства - уменьшается сумма налогов и правительство не может платить зарплату армии, милиции, учителям, врачам, ученым.

Падение производства приводит к тому, что все страны СНГ превращаются в "банановые республики". Даже в России в 1996 г. из 735 триллионов рублей совокупной продукции 200-т крупнейших предприятий на долю сырья приходилось 83,5%, на долю продукции машиностроения - 7,4%⁸. Что же мы, кроме сырья, вывозим в обмен на "Сникерсы"? По оценкам экспертов ЕС, за 5 лет в западноевропейские страны вывезено и продано, например, в публичные дома 500 тысяч женщин из стран СНГ и бывших восточноевропейских стран социализма.⁹

Но одним падением производства не объяснить невыплату зарплаты: ведь около 40% производства 1991 года действует, и производящие эту продукцию вроде должны получать зарплату.

Второе объяснение - это или неумение директорского корпуса управлять производством в условиях рынка, или грабеж директорами своих предприятий. На эту причину особенно любят ссылаться правительства стран СНГ. Конечно, такие вещи тоже имеют место. Некоторые из директоров за взятки отпускали продукцию заводом банкротам и оставляли заводы без денег; другие устанавливали самим себе чудовищные зарплаты. Так, у руководителей завода "Тулаэнергопривод" и их родственников заработная плата составляет 200-370 млн. рублей, а у рабочих - 500 тысяч¹⁰. На заводе "Кыргызавтомат" рабочие давно не получали зарплаты, в последние месяцы она составляла по 70-90 сомов, а директор умудрился получить за 9 месяцев 600000 сомов". И у нас в Казахстане директор "Казахалтына" А. Кабылдинов довел свою зарплату до 330 тысяч тенге, в то время как у рабочих она составляет 7-8 тысяч¹².

Но сколько таких директоров? И могут ли они "съесть" зарплату своих рабочих за год-полтора?

Третье объяснение более серьезно. Произошел резкий переток богатства от трудящихся к нашим скоробогачам. Децильный коэффициент (соотношение между средними доходами 10% наиболее богатого и наиболее бедного населения) в России в 1946 г. составлял 7,24, в 1956 г. - 4,44, в 1966 г. - 3,26, в начале 80-х годов - 3. Но в 1989 г. он уже составил 5, в 1991 г. - 5,35, в 1992 г. - 8,2, в 1993 - 11,2, в 1994 - 14,1, в декабре 1994 - 15¹³, в 1996 г. - 27 (в то же время в Китае этот показатель составил 3, США - 6, в Латинской Америке - 12)¹⁴. Здесь мы вновь оказались впереди планеты всей...

Но ведь богатые не сидят на мешках с деньгами, они пускают их "в дело" или держат в банках. Так что этим фактором можно объяснить уменьшение зарплаты, но не ее невыплату.

Четвертое объяснение - богатые прячут свои деньги за границей. Десятки миллиардов долларов из стран СНГ утекли на Запад. Бедное СНГ инвестирует производство в Америке и Западной Европе...

Но, как мне кажется, главная причина заключается в другом. Исток сегодняшней невыплаты зарплаты лежит еще в советской эпохе. В СССР резко преобладал военно-промышленный комплекс, была крайне милитаризованная экономика. Продукция народного потребления (т.е. то, что можно положить на прилавок) составляла лишь 20% валового внутреннего продукта¹⁵. Работало 100 человек, но то, что можно купить на деньги, производило 20. А зарплату получали все - и даже не очень одинаково. Как правило, в оборонных отраслях зарплата была существенно выше, чем в тех, что производили нечто "съедобное" или "носильное". Еще в 1994 г. 64% предприятий России работало на оборону и содержалось за счет Министерства обороны¹⁶.

Откуда же в таких невероятных условиях брались деньги на заработную плату? Ясно, что она не соответствовала трудовым затратам населения и не обеспечивалась товарными ресурсами. И, вместе с тем, регулярно выплачивалась без каких-либо задержек. А секрет простой. В 1990 году на личное потребление населения было израсходовано 475,2 млрд. рублей¹⁷. Но в том же году государственный внутренний долг СССР составил 566,1 млрд. рублей - 56,6% от валового национального продукта¹⁸. А государственный внутренний долг - это наши сбережения в сберкассах и займы государства у населения.

Поскольку даже ту небольшую зарплату, которую мы получали, практически нельзя было реализовать полностью, то даже самые бедные советские трудящиеся вынуждены были сколько-то своих денег держать на книжке. За 74 года Советской власти этих долгов государства населению накопилось столько, что **нам нашу заработную плату при Советской власти выплачивали из наших собственных сбережений.**

А когда в 1992 г. по всему СНГ перешли к рыночным отношениям, сразу появилась катастрофическая инфляция. Так, в Казахстане цены с марта 1992 по май 1996 года выросли в 15040 раз¹⁹. Так же обстояло дело и в других странах СНГ. В результате этого сбережения населения, из которых государство нам выплачивало заработную

плату, практически аннигилировались, превратились в нуль. И зарплату стало нечем платить.

Выпускник Гарварда, доктор экономических наук Егор Гайдар, видимо, был настолько неграмотен в вопросах советской жизни, что даже и не знал, откуда берется наша заработная плата. Политику рыночных реформ и монетаризма он начинал, исходя из самых благих побуждений и неприменимого в наших условиях американского опыта. Как прав был Руцкой, назвавший всю команду Гайдара "мальчишками в розовых штанишках".

Еще в 1991 г. А. Анисимов предупреждал о необходимости выбора модели рынка (управляемого и неуправляемого, либерального и нелиберального) и писал: "В сжатое же время мы можем создать рынок лишь ценой падения производства промышленности в 2-3 раза и снижения жизненного уровня на 30-40%"²⁰. Но разве у нас могут прислушаться к советам знающих людей, особенно если у кого-то есть заинтересованность в проведении определенных реформ? Ведь теперь Е. Гайдар ноет, что получился не тот капитализм, который он задумывал. Но серьезный ученый обязан предвидеть заранее результаты своих действий.

Сейчас идут массовые забастовки, вызванные несвоевременной выплатой заработной платы. Против кого они направлены? Этого не знают и сами забастовщики. Это забастовки не против правительства, администрации предприятий и их хозяев - это забастовки **против явления невыплаты заработной платы**, виновников которой никто не знает. И забастовки эти не могут дать кардинального результата. Ведь экономика стран СНГ напоминает тришкин кафтан: сейчас отнимают деньги от учителей, чтобы отдать их бастующим шахтерам, завтра - от шахтеров, чтобы отдать их учителям. Пока не будет перестроена экономика стран СНГ, денег на зарплату не будет.

Конечно, дело не только в деньгах. Раньше у нас господствовал дефицит, поскольку лишь 20% трудящихся производило товары народного потребления. Теперь массой потекли импортные товары и их не надо "доставать", а надо покупать - если есть деньги. Незачем деньги вкладывать в сберкассу. Но поскольку у государства нет денег, то зарплату не получают ни военные, ни милиционеры, ни учителя, ни врачи. Нечем бюджетным учреждениям платить за воду, за электричество, за отопление. Так кризис охватывает все стороны жизни и этот кризис характеризуется одним словом: неплатежи.

В октябре 1996 г. смотрел по телевизору интервью генерала А. Лебеда об опасности вторжения талибов на территорию СНГ и с ужасом думал: до чего же надо довести Россию, чтобы она стала бояться афганской агрессии! Такова степень распада и развала всей нашей жизни²¹.

Да, действительно, уже к началу 80-х годов всем стало ясно, что так дальше жить нельзя. И М.С. Горбачев откликнулся на это общественное настроение своей "перестройкой". Но беда его заключалась в том, что, провозгласив перестройку, он и сам не знал, что это такое и в чем она заключается. На насущные нужды страны он пытался ответить то введением поста президента, то преобразованием Минсельхоза в Агропром, т.е. чисто аппаратными преобразованиями.

Между тем перед страной тогда стояли две актуальные задачи: переход к рыночным отношениям и конверсия военной промышленности. Казарменный, государственный социализм был обречен. Его ахиллесовой пятой был ужасающий централизованный управления производством. Естественно, что если государству принадлежат практически все средства производства в стране (так называемая колхозно-кооперативная собственность по существу была огосударствлена), то государство и будет диктовать предприятию - сколько и чего производить, из какого сырья, сколько на это затратить заработной платы, электричества, материалов, кому и по какой цене продать продукцию.

Административно-командная система была неизбежной принадлежностью казарменного социализма. Плановое управление экономикой, сыгравшее положительную роль в период индустриализации, оказалось тормозом развития на этапе научно-технической

революции. Связанное по рукам и ногам планом, предприятие не было заинтересовано в росте объема производства - выполнишь нынешний план ценою страшного напряжения сил на 150%, так его тебе и дадут на будущий год увеличенным в полтора раза. Не было оно заинтересовано и в улучшении качества продукции: ведь наша еще не выпущенная продукция была уже включена в план продажи универмага. О чем тут заботиться? И так возьмут.

Не было предприятие заинтересовано и в материальном стимулировании хорошего труда: все упиралось в фонд зарплаты. Если Иванов выполнит месячное задание на 200% и получит 150%-ную зарплату, то Петрову, выполнившему план на 100%, придется лишь 50% зарплаты. Не было предприятие заинтересовано и в техническом прогрессе: дело это хлопотливое, требует огромной возни, многих дополнительных усилий - а еще неизвестно, что он даст коллективу и его руководителю.

Таким образом, вся система производственных отношений казарменного социализма обрекала его на стагнацию, при которой, естественно, не происходило подъема жизненного уровня населения. Нужна была ликвидация плановой, командно-административной системы управления экономикой путем создания рыночных отношений, децентрализации управления.

Но никто тогда и не подумал - а какой нам нужен рынок? Ведь рынок был даже в первобытном обществе. Экономический и культурный обмен в верхнем палеолите осуществлялся в радиусе до 800 километров, за 2000 лет до нашей эры - до 8000 км²². Рынок существовал и в эпоху рабовладения - Рим снабжался хлебом из Африки и побережья Понта Евксинского. Существовал он и в средневековье - достаточно вспомнить Венецию, Геную, Новгород, финансовые империи Фуггеров и Медичи.

Конечно, наиболее полное развитие рынок получил при капитализме, при котором даже рабочая сила стала товаром. Видимо, поэтому у нас и отождествляли рынок с капитализмом, и под предлогом перехода к рынку начался переход к капитализму. В Казахстане прямо заявили: раз социализм не смог дать хорошие результаты, будем переходить к капитализму.

Для перехода к цивилизованному рынку необходимо было осуществить **разгосударствление** предприятий. На деле оно было подменено **приватизацией**, превратившейся в **прихватизацию** (народ во всех странах СНГ сразу ухватил сущность этой приватизации). По данным проведенного в 1994 году Российской академией государственной службы опроса на тему - в чьих интересах, по вашему мнению, проводится приватизация — ответили, что в интересах всего общества — 5%, в интересах коллективов предприятий - 8, в интересах администрации предприятий - 23, в интересах немногих людей - 42, ни в чьих интересах - 7, в интересах кого-нибудь другого - 6, затруднились ответить или вообще не ответили - 29%²³.

Все страны СНГ переживают глубокий экономический, политический и идеологический кризис. В большинстве их экономика отброшена на 20-25 лет назад.

По данным исследований ИСПИ РАН (1995 г.) об отношении населения к проводимому курсу реформ, 58% отозвалось о них отрицательно, 10,5% - в основном положительно, 4,9% - безразлично и 19,6% - не дало ответа²⁴. Опрос Институтом Гиллера в Казахстане о введении рыночной экономики показал, что 33% относятся к этому явлению положительно, 51% - отрицательно²⁵.

Можно констатировать: **с точки зрения народа капиталистический эксперимент блестяще провалился**. Он привел к колоссальному падению производства, резкому обнищанию трудящихся, огромной безработице, ужасающей преступности. Но эксперимент был выгоден бюрократии и дельцам теневой экономики. Для них он стал базой первоначального накопления капитала.

Этому способствовала и монетаристская политика Е. Гайдара, принятая и проводимая всеми правительствами стран СНГ. Суть ее заключается в том, чтобы любой ценой прекратить увеличение денежной массы, подавить инфляцию. Кому это выгодно? Инфляция ничуть не мешала нам, людям, живущим на зарплату, если проводилась индексация (я не помню, когда это было - при Горбачеве или уже после

него). Зато инфляция страшно мешала нашим новоявленным богачам, наживавшимся на разграблении государственного добра и спекуляции: нажитые ими деньги могли превратиться в такой же ноль, как и наши сбережения после 1992 года. Монетаристская политика проводилась именно в их интересах.

Что же можно и нужно было сделать в тех условиях в конце 80-х - начале 90-х годов, чтобы вывести экономику СССР из тупика, куда ее завел казарменный социализм?

Если исходить из действительно народных интересов, то обязательно надо было провести разгосударствление экономики, предоставить свободу деятельности и инициативы предприятиям, т.е. перейти к рынку. Но к какому? Отнюдь не к капиталистическому, а к социалистическому (о нем мы поговорим попозже). То есть нужна была не приватизация, а только разгосударствление.

Второе - провести с помощью государства конверсию оборонной промышленности. Без нее никакие преобразования собственности, никакая демократизация, никакое введение свободы слов не улучшают положение народа. Это Белый дом можно расстрелять из танковых пушек, но танками народ накормить нельзя. Невкусная это пища.

Элементарно грамотный инженер знает, что конверсия требует огромных затрат. К сожалению, этого "не знали" лишь наши Абалкины, Шаталины, Гайдары - светила экономической мысли. Что могло сделать государство? В первую очередь - кредитование конверсии через государственный банк. Вместо этого была создана масса частных банков. Они брали у государства кредит под 100% годовых, а своим клиентам давали эти деньги под 200% (цифры условные). Зачем это было нужно? Видимо, для того, чтобы хозяева частных банков разбогатели. Из средства развития народного хозяйства банки превратились в средство для наживы банкиров. Да и кого они могли кредитовать для конверсии? В России в 1993 году производственной деятельностью было занято 4%, финансовой - 3%, коммерческой - 93% всех предпринимателей²⁶.

Спекулятивный бизнес давал такие прибыли, которые оправдывали займы у банкиров под самые чудовищные проценты. Прибыли же промышленных и сельскохозяйственных предприятий не позволяли брать такие кабальные займы. В результате конверсия была успешно похоронена. Интересы всего народа (конверсия) были принесены в жертву интересам бизнеса (наживы). А разве не мог государственный банк сам кредитовать конверсию без разбойничьего процента частных банков?

Между тем американские экономисты С.С. Коэн и Э. Шварц еще тогда предупреждали: "Приватизация собственности сама по себе не заставит крупные, неконкурентоспособные фирмы работать эффективно и творчески"²⁷. Но наши "великие экономисты" даже не задумывались над этими вещами.

Каков же выход? Пока что предлагаются два пути развития. На президентских выборах в России в 1996 г. четко обозначились: путь Б. Ельцина - продолжение тех же капиталистических реформ - и путь Г. Зюганова - возврат к прежнему казарменному социализму (правда, с несколько подновленным лицом). С точки зрения нормального российского избирателя, это был выбор из двух зол. Б. Ельцин смог победить только благодаря ряду случайных факторов - мощному манипулированию средств массовой информации сознанием обывателя, запугиванию избирателей призраком 1937 года, сокрытию от избирателей инфаркта президента, нажима администрации и т.д.

Что могла дать победа Б. Ельцина? Продолжение дальнейшего ограбления народа "новыми русскими", обнищание, преступность и другие прелести нынешнего режима. Что мог дать Г. Зюганов? В любом случае восстановление казарменного социализма привело бы к ликвидации демократии. Вся сущность этого строя антидемократична. При казарменном социализме государство давит на человека и как орган политической власти, и как единственный работодатель, и как монопольный продавец предметов потребления, и как монополист в области идеологии. В истории человечества не было общества, где бы люди в такой степени зависели от государства (кроме, быть может, стран с азиатским способом производства).

Вот российские избиратели и голосовали за одно из этих зол - за капитализм или за казарменный социализм. Выбор проводился по чисто случайным основаниям: кому-то больше понравилась внешность одного кандидата, кто-то - земляк одного из претендентов, кто-то выписывал газету, поддерживавшую данного кандидата. Фактически на выборах не было выбора. Идею о том, что есть только альтернатива: Б. Ельцин или Г. Зюганов, поддерживали в первую очередь сторонники действующего президента. Не будешь голосовать за Б. Ельцина - значит будешь голосовать за возвращение 1937 года и за очереди на колбасу. Такое же положение и в других странах СНГ, но в отличие от России, в них, как правило, нет сильного коммунистического движения.

На самом деле возможность выбора пути социально-экономического и политического развития, соответствующего интересам трудящихся, существует. Возможен третий путь - путь **кооперативного социализма**.

Пока что мы знали социализм в той единственной форме, которая была определена К. Марксом и В.И. Лениным - форме казарменного социализма, основанного на государственной собственности на средства производства. Но мы совершенно забыли об идее кооперативного социализма, пропагандировавшей Р. Оуэном, Ш. Фурье, Ж. Прудоном, Г. Шульце-Деличем, Ф. Лассалем, Н.Г. Федоровым, А.В. Чайновым, С.А. Каблуковым. Фактически идея кооперативного социализма содержалась и в идеологии сторонников "рабочей оппозиции" - А.Г. Шляпникова, СП. Медведева, А.М. Коллонтай. Они уже тогда видели, к чему ведет диктат государственной бюрократии. Эту идею поддерживал и М.И. Туган-Барановский. Он хорошо видел опасность государственного социализма, и писал, что "государственная централизация заключает в себе и огромные опасности... Чем более централистически организовано общественное хозяйство и чем большие размеры приобретает эта организация, тем больше опасности для свободы отдельных лиц. Централизм всегда несет с собой и бюрократизм - оторванность общественного механизма от тесного соприкосновения с действительной жизнью, игнорирование всех индивидуальных отличий ее. Соответственно этому возрастает и роль принудительного начала власти в строе общественной жизни"²⁸.

Большевики обещали землю крестьянам - вначале дали, потом отобрали. Они обещали заводы рабочим - и не дали их.

Думается, что марксисты были правы, критикуя в свое время идеологию кооперативного социализма за весьма большой утопизм. В самом деле, нужна была значительная доля наивности, чтобы мечтать о том, что создавая сеть мелких производственных и потребительских кооперативов, можно сокрушить капитализм и создать общество трудящихся. Во многих странах капитализма, в том числе США и Германии, существует довольно развитая т.н. "альтернативная экономика". Это - небольшие артели, а также ряд промышленных предприятий, выкупленных рабочими у своих хозяев. На некоторых из этих предприятий работают тысячи рабочих. Но до сих пор ни одной кооперативной авторемонтной мастерской не удалось победить "Дженерал моторз"!

Такая альтернативная экономика - несмотря на успехи многих кооперативов - конечно, так и не смогла вытеснить капиталистическую экономику и сделать свои страны социалистическими. Думается, что в условиях капитализма кооперативный социализм так и останется добрым пожеланием, прекрасной утопией. Не могут отдельные кооперативы вытеснить огромные транснациональные монополии.

Но все это вовсе не значит, что идеи кооперативного социализма не осуществимы в современных условиях стран СНГ. При этом **средства производства должны стать собственностью членов трудовых коллективов** без каких-либо акций, ибо акции очень быстро переключаются в руки "новых русских" ("новых казахов" и других "новых").

Каковы же преимущества кооперативного социализма перед казарменным?

Во-первых, предприятия освобождаются от диктата государства. В результате этого они оказываются реально заинтересованными в росте объема производства и

повышении качества продукции. А это значит, что имеет смысл производить технический прогресс и организовывать материальную заинтересованность работников в хорошем труде.

Во-вторых, члены трудового коллектива оказываются подлинными хозяевами предприятия - разумеется, в той мере, в какой они вообще способны управлять. Конечно, вряд ли наши рабочие сейчас способны грамотно решать вопросы о том, по какой технологии обрабатывать деталь, какие именно станки закупить, рассчитывать на ЭВМ режим работы цеха и т.д. - короче говоря, принимать технические и технологические решения. Но вот в проблемах социального порядка рабочие хорошо разбираются и вполне могут правильно решать вопросы, связанные с текучестью кадров, расценками, условиями труда, трудовой дисциплиной и др. Поскольку в таком кооперативе директор будет избираться коллективом, то он и вынужден будет работать на благо коллектива, а не обворовывать его.

При государственном социализме директор назначался государством и проводил его линию (иногда он вынужден был маневрировать между государством и коллективом). При капитализме директор избирается акционерами и должен проводить линию на получение прибыли. При кооперативном социализме он будет выполнять волю своих сотрудников, в этих условиях ликвидируется противостояние хозяина (капиталиста, государства) и трудового коллектива, философия "мы" и "они".

А это значит, что при кооперативном социализме будет действительно складываться новое отношение работников к труду. Это показывает опыт капиталистических стран, где существуют предприятия, созданные самими трудящимися (вроде испанского кооператива "Мондрагон", на котором работает 18 тысяч человек) или выкупленные у капиталистов. Производительность труда в таких кооперативах на одну треть выше, чем на частных фирмах - здесь не бывает забастовок, прогулов вдвое меньше, а текучесть кадров в 2,5 раза ниже, чем на частных фирмах, доля управленческого аппарата в среднем в 1,5 раза ниже (не нужно надсмотрщиков). Израильские киббуцы охватывают 3% взрослого населения, но производят 1/5 продукции отраслей материального производства, в том числе 38% всей сельскохозяйственной продукции³⁰.

В-третьих, если государственный социализм по природе своей неизбежно является диктаторским режимом, то кооперативный социализм не обязательно является таковым. Вообще марксистское положение о зависимости "надстройки" от "базиса" не подтверждено историей. В 30-х годах в Европе рядом существовали два капиталистических государства - весьма демократическая Швейцария и фашистская Германия. Так что жесткой предопределенности политического строя от экономического не существует. Но в принципе в условиях кооперативного социализма влияние государства на жизнь человека значительно меньше, чем при государственном социализме. "Я не обязан работать на одного работодателя (государство), я не обязан покупать товары в государственном магазине, я не обязан придерживаться государственной идеологии" - вследствие этого кооперативный социализм может быть демократическим.

У кооперативного социализма есть определенные преимущества и перед капитализмом. Главное - это отсутствие эксплуатации человека человеком, отсутствие чрезмерного паразитического потребления капиталистов, особенно характерного для "новых русских". Известно, что они вывезли из России и других стран СНГ десятки миллиардов долларов, столь необходимых для инвестиций в нашу экономику. Чудовищны и расточительны их личные траты. Фужер коллекционного вина в барах Алматы стоит 2500 долларов³¹ - и покупают. Молодая русская пара в Лондоне зашла в ювелирный магазин и сразу купила драгоценностей на 1,5 миллиона долларов³². Число таких примеров можно продолжать бесконечно.

Видный офтальмолог и политический деятель России С. Федоров в своей предвыборной платформе к выборам президента писал: "Убежден, что выход России из кризиса лежит не на пройденных путях в светлое капиталистическое или коммунистическое завтра, а в реализации тех общественных тенденций, которые определяют

прогресс мировой цивилизации. И прежде всего тенденции отмирания наемного и становления свободного труда. Я называю это новым третьим путем, на котором Россия сможет не только выйти из кризиса, но и стать ведущей державой мира"³³. И этот путь действительно в интересах всех трудящихся стран СНГ - и это показывают результаты всех опросов по вопросу об отношении к современным реформам.

Вместе с тем, я против чрезмерной эйфории от кооперативного социализма. Мы в свое время слепо верили в будущее бесконфликтное коммунистическое общество. В конце 80-х - начале 90-х годов нам обещали рай и процветание от введения капитализма. Поэтому посмотрим - нет ли отрицательных сторон и ловушек и в кооперативном социализме.

Первой из стран, где был осуществлен кооперативный социализм, явилась бывшая СФРЮ, недавно столь кроваво распавшаяся. Ее опыт показывает три опасные тенденции этого социализма. Во-первых, здесь была такая же диктатура Союза коммунистов Югославии, как в СССР - КПСС. Тито и Ранкович не менее свирепо правились со своими недругами, чем Сталин и Ежов. Отсюда вывод: нельзя в стране кооперативного социализма допускать не только прихода к власти, но и самого образования "партии нового типа", действующего по принципам "ордена меченосцев".

Во-вторых, рынок в СФРЮ был нерегулируемым, стихийным. Между тем рынок сам по себе эгоистичен. Здесь каждый сам за себя. С развитием рынка усиливается индивидуальный и коллективный эгоизм.

Существуют ведь интересы общества, коллектива и личности. Именно общество, страна в целом, а не отдельное предприятие, заинтересовано в защите природной среды. Именно государство обеспечивает оборону страны, ее политическую и экономическую независимость, создает основную часть системы образования, здравоохранения, пенсионного дела, социальной защиты, обеспечивает правопорядок, безопасность работы транспорта, предотвращение эпидемий и эпизоотий и т.д. Предприятия - что при капитализме, что при социализме - не очень спешат раскошелиться на эти цели. Если не регулировать все эти вещи, то общенародные интересы будут страдать. **При кооперативном социализме необходимо государственное регулирование экономики.** Это вообще неизбежно на пороге XXI века. Дж.К. Гэлбрейт пишет: "Капитализм не мог бы выжить в своей изначальной и чистой форме... Те, кто говорит - а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь - о возврате к свободному рынку времен Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера"³⁴. И такое регулирование сейчас в той или иной степени осуществляется во всех капиталистических странах. Так, в Японии 70% всей экономики прямо или косвенно регулируется государством³⁵.

Именно отсутствие государственного регулирования, абсолютная свобода рынка привели к образованию в странах СНГ криминального капитализма. Свобода рынка была нужна для первоначального накопления капитала путем "прихватации", спекуляции, грабежа (а в Казахстане - и скотокрадства). "Свободный" рынок непременно ведет к капитализму. Регулируемый рынок может привести к кооперативному социализму.

Разумеется, речь вовсе не идет о восстановлении того диктата государства над своими предприятиями, который был при советской власти. Мы всегда шарахаемся в разные стороны: либо полное отсутствие свободы, либо абсолютная свобода. Дурается, что одинаково вредно и то, и другое.

Государственное регулирование экономики и всей общественной жизни (включая, например, формирование новой социальной структуры, межнациональные отношения, ликвидацию противоположности между городом и деревней и т.д.) должно производиться с помощью политики кредитов, госзаказов, налогов, пошлин (во всех странах СНГ сейчас задавлена национальная промышленность), осуществления образования и т.д. без непосредственного вмешательства во внутренние дела предприятий.

В-третьих, при кооперативном социализме (особенно в современных условиях низкого жизненного уровня) могут проявиться тенденции или к проеданию всего накоплен-

ного, или к стремлению меньше инвестировать в производство и технический прогресс. Выйти из этого положения можно с помощью законодательного установления доли накопления, а также упоминавшегося уже государственного кредитования.

Я уже писал о том, что сейчас наиболее важная проблема нашей экономики - конверсия. Ее не в состоянии осуществить отдельные предприятия, нужна государственная помощь кредитам. У нынешних наших правительств нет денег на это. Их можно получить, национализировав частные банки: ведь они родились и нажились на кредитах государственных банков. Да и само их создание было - с точки зрения общества - ненужным делом. Вместо осуществления "обмена веществ" внутри нашей экономики, они, стремясь к собственной наживе, лишь создали массу "тромбов" в артериях и венах общественного организма.

Главное же в том, что государственное регулирование экономики обеспечивает ее развитие в интересах народа. При опросе в марте 1996 г. Институтом развития Казахстана на вопрос: "Должно ли государство управлять всей экономикой" 10,8% указали - должно управлять в интересах моей нации; 2,9% - не должно (видимо, это наши капиталисты. - *Н.А.*), 24,1% - должно сохраниться частичное государственное регулирование; 42% - государство должно регулировать экономику³⁶. Народ хорошо понимает свои интересы.

... Нет никакой телеологической предопределенности того, по какому пути пойдут наши страны - по пути капитализма, казарменного социализма или кооперативного социализма. Здесь все зависит от субъективного фактора. Выбор пути - предмет политической борьбы.

Вот к каким выводам приводят рассуждения дилетанта о причинах невыплаты заработной платы. Конечно, за счет иностранных займов и продажи государственного имущества сегодня можно выплатить долги по зарплате. Ну, а дальше? Из чего платить зарплату и завтра, и послезавтра?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Караван, 1996, 4 октября.
2. См.: Караван, 1996, 1 ноября.
3. См.: Комсомольская правда, 1996, 4 января.
4. См.: Караван, 1996, 11 октября.
5. См.: Социс, 1996, № 1, с. 39.
6. См.: Караван, 1996, 11 октября.
7. См.: Социология в России. М., 1996, с. 284.
8. См.: Известия, 1996, 9 октября.
9. См.: Комсомольская правда. 1996, 18 июня.
10. См.: Известия, 1996, 22 мая.
11. См.: Казахстанская правда, 1995, 2 марта.
12. См.: Караван, 1996, 24 мая.
13. См.: Социс, 1996, № 4, с. 108.
14. См.: Там же, с. 93.
15. См.: Известия, 1996, 28 июня.
16. См.: Комсомольская правда, 1994, 22 марта.
17. См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991, с. 14.
18. См. Там же, с. 19.
19. См.: Караван, 1996, 10 мая.
20. Экономические науки, 1991, № 12, с. 9.
21. *Кунаев Д.* От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994, с. 321.
22. *Давидович В., Аболина Р.* Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М., 1975, с. 57.
23. См.: Человек и реформы. Вып. 1, М., 1995, с. 46.
24. См.: Социс, 1996, № 3, с. 21.
25. См.: Караван, 1996, 5 апреля.
26. См.: Социс, 1996, № 6, с. 122.
27. *Коэн С.С., Шварц Э.* Свет в конце туннеля. Вашингтон, 1993, с. 6.
28. *Туган-Барановский М.И.* Социализм как положительное учение, ПБ, 1918, с. 82.
29. *Богданов А.* Вопросы социализма. М., 1990, с. 184.
30. См.: Российский экономический журнал. 1993, с. 57-64.
31. См.: Караван, 1996, 17 мая.

32. См.: Комсомольская правда, 1996, 8 июня.
33. Комсомольская правда, 1996, 28 мая.
34. Цит. по: Правда, 1990, 19 мая.
35. См.: Комсомольская правда, 1994, 19 января.
36. См.: Социс. 1996, № 8, с. 62.